

СОМНЕНИЕ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В.В. Ходыкин

В современной отечественной и зарубежной литературе по теории познания и методологии науки достаточно часто присутствуют отсылки на актуальность намеченного еще античными скептиками проблемного поля – насколько интеллект и чувства человека могут осуществлять обоснование знания. Такое положение дел свидетельствует об определенной эрозии функционирующих в процессе познания ценностей. Отсюда вполне закономерно являются довольно пессимистические высказывания относительно потенциала теории познания. Нередко с такого рода утверждениями выступают такие весьма известные в философском сообществе специалисты как В.Н. Порус, Р. Рорти, С. Хаак, Дж. Хорган.

В современной гносеологической теории достаточно полно представлены работы, посвященные осмыслению кризиса классического понимания рациональности в науке. Выход из создавшегося положения ученые видят в нахождении точек соприкосновения способов мышления, укорененных в различных областях человеческой культуры. Бурное развитие гуманитарных и общественных дисциплин, с одной стороны, и определенные трудности, с которыми столкнулись естественные науки в начале XXI века, с другой, привели к осознанию необходимости релятивизации знания. Представители философского постмодерна (Р. Рорти, Ж. Делез, П. Рикер, Ж. Деррида) в этой ситуации остро поставили проблему совмещения *истинности* и исторической *релятивности* знания в контексте так называемого деятельностного подхода, позволяющего, как они надеются, избежать как свойственного позитивизму релятивизма, так и догматизма.

В этой связи вполне обоснованным на современном этапе является рассуждение о форме релятивизма, которая могла бы наиболее адекватно представить его противоречивую сущность. Это обстоятельство, в свою очередь, делает необходимым проведение тщательного анализа «человеческой» компоненты познавательного процесса, переосмысление таких базовых для гносеологической теории понятий как «знание», «сомнение», «вера» и т.п.

Современный «постнеклассический» этап развития науки остро поставил на повестку дня необходимость объединения собственно *гносеологических* и *социологических* концептуальных схем в единую теорию познания. В этом свете становится необходимым соотнесение знания не только со средствами познания, но и с *ценностно-целевыми* структурами человеческой деятельности, всем устройством социального целого. В этой ситуации для гносеологии актуализируется задача осмысления таких представлений, которые в самом своем содержании совмещали бы *рациональное* и *интуитивное восприятие* мира, понятий, которые могли бы описать ценностный контекст формирования человеческого знания.

Одним из таких универсальных понятий выступает «сомнение». При внимательном рассмотрении различных аспектов этого понятия можно обратить внимание, что в нем интуитивное и рациональное, индивидуальное и дискурсивное, практическое и смысловое, «познающее» и «понимающее» предстают в некоем нерасторжимом единстве. В современной теории познания актуальной исследовательской задачей становится

ся осмысление «интерпретационного» сдвига проблемы сомнения с целью максимально полного уяснения эвристического потенциала этого понятия, выявление его когнитивного статуса для решения проблем современного научного познания.

Можно со всей уверенностью констатировать, что именно сомнение как форма существования личностного смысла в познании, выполняя задачу интерпретации показаний интеллектуальной интуиции и функцию удержания несамодостаточных трансцендентальных, коллективистских и индивидуально-эмпирических описаний, способно разрешить проблему уравнивания долей, скажем так, целесообразности и целеполагания в понимании познания, без чего дальнейшее развитие гносеологии представляется для многих ученых невозможным.

Таким образом, современные реалии говорят о необходимости выведения проблемы сомнения на философский уровень, обязывают исследователя базироваться на целостной системе представлений о взаимоотношениях человека, природы и мира даже при решении специальных, далеких от собственно философской проблематики задач. Весьма актуальной также предстает перед нами проблема избавления от приоритета *coqito* в традиции, идущей от Р. Декарта через феноменолого-герменевтический, а затем интерпретационный сдвиг проблемы сомнения в познании.

Ставшая неизбежной в современной ситуации релятивизация знания в контексте становления неклассической рациональности, а, соответственно, расширение границ сомнения в познании, рисует весьма туманные перспективы для самого этого познания. Вместе с тем пути выхода из такой ситуации все-таки прослеживаются. Кризис однозначного дискурса таких понятий как «научность», «метод», «универсальность», «субъект», «объект» и т.д. актуализирует проблему определения места сомнения в структуре когнитивного акта, более четкого и жесткого обозначения правил и условий, соблюдение которых делало бы сомнение эвристически более содержательным для развития современной науки.

Прежде всего, следует отметить, что в истории философии сомнение неразрывно связано со скептицизмом, как способом мышления, выражающим "критическое отношение к действительности" через отыскание противоречий в определении истинности или обоснованности концепций посредством противопоставления им также обоснованных концепций с противоположным значением [1, 130]. Сомнение представляет средство и форму существования скептицизма, скептицизм в действии. Как размышление над противоречием сомнение само есть противоречие в сознании субъекта, оценка роли и сферы действия которого зависит от естественнонаучных, философских и в целом мировоззренческих предпосылок и ориентаций субъекта. В связи с этим скептицизм занимает разное место по масштабам действия в определенной философской системе (проблема или входит в качестве элемента) и играет разную, порой противоположную роль в учении о познании.

Есть предложение от польского ученого Т. Котарбиньского для характеристики роли сомнения выделить два типа скептицизма (крайний и методологический). Крайний скептицизм в «психологическом отношении является родственным с позицией универсального недоверия, а именно принятие убеждения, что всякое суждение является ложным» [2, 312].

Методологический скептицизм, по мнению Т. Котарбиньского, означает перепроверку результатов научного знания, доставшихся от предшественников и вызывающих сомнение, с целью уточнения их истинности. «Методологический скептик не отрицает возможности достижений знаний, но пытается завоевать их собственными усилиями: посредством методологического скептицизма он стремится к освобождению от собственного скептицизма» [2, 313]. В связи с этим отметим, что справедливость критики скептицизма Г.Г. Соловьёвой в указанных работах относится лишь к крайнему скептицизму, который в гносеологическом плане означает сомнение в способности человека познать мир, т.е. ведёт к агностицизму.

Е.А. Мамчур выдвигает идею о том, что процесс смены парадигм обусловлен «моральным износом» теоретических систем. Причины такого износа, по мнению известного ученого, коренятся не в каких-то качествах, присущих этой теории самой по себе, а в качествах, присущих ей «как элементу всей системы научного знания и даже больше общей интеллектуальной атмосферы эпохи» [3, 257-258].

Изменение общей интеллектуальной атмосферы проявляется, в частности, в изменении содержания ценностных аспектов науки – в изменении содержания старых проблем, появлении новых проблем, новых мотивов и методологических принципов познавательной деятельности, в изменении "идеала" научной теории. Психологически эти изменения выражаются в критическом отношении к сложившимся в науке убеждениям, нормам научности, к истинности старых теорий. Смена теорий, лежащих в основе старой и новой парадигм, по мнению известного ученого минувшего столетия В.А. Лекторского, есть частично осознаваемый процесс, в котором рациональное обоснование новой парадигмы осуществляется с помощью познавательной рефлексии, «обращения познания на самое себя» [4, 130].

Объектом познавательной рефлексии является не сама объективная реальность, а системы знания, в которых она отражается, выраженные в форме высказываний и их систем. Осознание относительности, приближенности и неполноты систем знания осуществляется в процессе совместного развития познания и практики. С возникновением новых систем знания, соответствующих другому уровню практики, субъект с помощью рефлексии производит сравнительный анализ обоснованности, выяснение степени истинности старого и нового знания. Этот переходный момент познавательной рефлексии конкретного исторического субъекта над имеющимися системами познавательных образцов, осуществляемый с целью выяснения их истинности, является содержанием понятия «сомнение» в ходе научного поиска.

Как нам представляется, сущность и особенности явления познаются в системе его взаимосвязей с другими явлениями как элемента единого целого. В этой связи сомнение можно рассматривать и как понятие, характеризующее модальность высказывания, в системе таких категорий, как «знание», «вера», «предположение», «убеждение» и др.

По мнению В.Н. Борисова и В.Н. Костюк, данные категории, как формы эпистемической рефлексии в качестве элемента входящей в состав познавательной рефлексии выражают определенный эпистемический статус научных концепций и высказываний, полученный в сознании субъекта в результате синтеза следующих характеристик:

- значение истинности / ложности высказывания;
- степень объективной обоснованности;
- степень осознанности;
- степень субъективной уверенности в истинностном значении высказывания.

Исходя из концепции В.Н. Борисова, можно предположить, что, как форма эпистемической рефлексии, сомнение выражает ту или иную степень неуверенности субъекта в определенном истинностном значении высказывания, вызванную осознанием его частичной объективной обоснованности. Сомнение всегда выражает двойственность, неопределенность оценки истинности высказывания, возникающую в многообразных познавательных ситуациях, множество которых можно разделить на две группы в зависимости от характера аргументации частично обоснованного высказывания и количества таких высказываний, участвующих в акте сомнения. В первой группе подвергается сомнению одно высказывание, в зависимости от характера обоснованности можно выделять три подгруппы:

- имеются необходимые, но не достаточные основания для его принятия и нет оснований против (правдоподобные высказывания);
- имеются некоторые аргументы против принятия высказывания, но предполагается нахождение аргументов «за» при дальнейшем исследовании (ложноподобные высказывания);
- имеются основания как для принятия, так и для отвержения высказывания.

Все три подгруппы ситуаций вызывают у субъекта сомнение в истинности какого-либо одного высказывания, но не менее часто (особенно в теоретическом исследовании) сомнение порождается полемикой двух или нескольких концепций, объясняющих или характеризующих одну и ту же группу явлений. Таково сомнение, возникающее в антиномических проблемных ситуациях или в споре старых и новых теорий. Они и составляют вторую группу ситуаций.

Думаю, что ситуации второй группы, обуславливающие появление сомнений в сознании субъекта, наиболее характерны для теоретического исследования, где типичным случаем является выдвижение двух противоположных или просто нескольких гипотез, претендующих на объяснение сущности исследуемого явления.

Ситуация первой группы типична для эмпирического исследования, в котором сомнение в истинности высказывания вызвано несовпадающими друг с другом результатами измерений, наблюдений или экспериментов, проводимых с одним и тем же явлением.

В исследованиях, совмещающих эмпирическую и теоретическую ступени познания, являющихся наиболее распространенными в современной науке, встречается сомнение, порожденное ситуациями обеих групп. Но в развитом исследовании все же типичным является сомнение, вызванное столкновением частично обоснованных концепций. Даже если целью исследования является установление истинности высказывания, выражающего эмпирический факт, то и здесь аргументы «за» и «против» суммируются, объединяются в систему в определенных конкурирующих концепциях. Так, например, у историков по вопросу установления истинности высказывания «Убийство царевича

Дмитрия организовано Борисом Годуновым» имеются противоположные концепции, опирающиеся на весьма убедительные аргументы.

И сомнение в истинности одного высказывания, и сомнение, порожденное столкновением концепций, относятся к эмпирическому типу рефлексии, поскольку возникают у субъекта не намеренно, а относительно независимо от последнего под давлением осознаваемой проблемной ситуации. Мы назовем условно это сомнение «эпистемическим».

В отличие от эпистемической рефлексии сомнение может применяться и сознательно как средство проверки высказывания на истинность в эмпирическом и теоретическом исследовании (вспомним методологическое сомнение у Р. Декарта) путем позитивной критики при выдвижении высказывания, противоположного данному, которое в принципе допускает возможность своего обоснования. Очевидно сюда же входит сомнение в исходных предпосылках дедуктивно-аксиоматических систем в целях построения иной системы, более адекватно отражающей исследуемый предмет. Методологическое сомнение входит в качестве элемента в метапредметный тип рефлексии, в котором подвергаются исследованию относительно завершённые результаты научного познания, и сфера его действия ограничена этими результатами.

В научном познании сомнению подвергаются не всякие, а лишь гипотетические предположения, т.е. высказывания частично объективно обоснованные. Даже считавшееся достоверным высказывание, если выясняется его недостаточная объективная обоснованность, становится объектом эпистемического сомнения, приобретая статус правдоподобного предположения.

При своем зарождении сомнение может выражаться в виде интуитивного неосознанного несогласия с каким-либо высказыванием без обстоятельного обоснования этого несогласия. Такое несогласие не имеет ценности для науки как формы общественного сознания, поэтому для придания ему статуса научности оно должно быть вербализовано, выражено в виде высказывания с той или иной степенью обоснованности. Если степень осознаваемой обоснованности отрицающего второго высказывания мала по сравнению с осознаваемой обоснованностью первого высказывания, то можно говорить лишь о наличии той или иной доли сомнения в сознании субъекта, так как при решении данного вопроса субъект будет склоняться более к признанию истинности первого высказывания, чем второго, хотя и не будучи полностью уверенным в его истинности. При нарастании обоснованности второго высказывания будет расти и сомнение по данному вопросу, которое достигает своего апогея тогда, когда обоснованность обоих высказываний сравняется. Наличие различных концепций является качественной спецификой сомнения как формы эпистемической рефлексии, отличной от знания и веры.

В ситуации сомнения концепции не просто сосуществуют, а конкурируют за обладание в сознании субъекта, выражая дискуссию различных пониманий, интерпретаций отражаемого предмета. Поскольку мышление диалогично по своей сути, то мысль как акт диалога субъекта с самим собой, по убеждению В.С. Библера, «есть несовпадение (и осознание такого несовпадения, зазора) между тем, в какой форме мне предмет является, и тем, что я знаю о его бытии» [5, 381-382].

Осознание несовпадения образа предмета и самого предмета может выразиться в форме сомнения в истинности данного образа, которое является непосредственным импульсом мыслительной деятельности субъекта по преобразованию этого образа (понятия, концепции). Поскольку предмет никогда не присутствует в сознании субъекта непосредственно, а всегда дан в виде понятия или теоретической схемы предмета, так или иначе упрощающей, искажающей его, постольку в научном познании новый, уточненный образ, выразившийся в новой концепции, соотносится с прежним понятием, с прежней теорией предмета, а не с ним самим.

В кризисных ситуациях в науке часто возникает несколько предположений, гипотез об исследуемом предмете, которые сравниваются между собой, проверяются на истинность в «горниле» сомнения в соответствии с опытом и методологическими нормативами. Концепция, выдержавшая этот отбор, вступает в высшую стадию развития сомнения, в которой она сталкивается со старой господствующей теорией, со старым знанием, так сказать, «один на один».

Сомнение как рефлексия оценивает достоинства и недостатки, слабые и сильные стороны обеих концепций, констатируя большую актуальность какой-то одной из них или их синтез в рамках концепции более высокого уровня общности. Таким образом, в развитии сомнения в общем случае можно наметить три стадии.

Первая стадия охватывает период от зарождения сомнения в виде внутреннего интуитивного несогласия субъекта с каким-либо высказыванием до осознания этого несогласия в форме сформулированного высказывания (или нескольких высказываний), отрицающего данное, противостоящее ему. В этот «инкубационный» период сомнение выражается в основном в эмоционально-чувственном протесте, волевым отрицании данного положения без рациональной аргументации. Очевидно, к этой стадии сомнения относятся разного рода поэтические метафоры, когда «червь сомнения гложет», разведает душу, не даст покоя. На этой стадии сомнение действует в основном на подсознательном уровне психики субъекта, стимулируя мышление к уяснению причин беспокойства. Образуется проблемная ситуация.

На второй стадии развития сомнения причины несогласия, беспокойства субъекта поднимаются из темных, неясных «подвалов подсознания» в верхние этажи психики, где они осознаются или в виде постановки вопроса, или формулируются в виде высказывания с противоположным значением. Высказываний, не согласных с данным, может быть несколько. На переходных этапах развития познания порой выявляется ошибочность первоначальной концепции, и обычно появляется множество догадок, предположений и гипотез, сталкивающихся между собой. К настоящему времени в физике элементарных частиц присутствует целый ряд гипотетических концепций, ни одну из которых «нельзя отбросить, так как каждая что-то объясняет, и ни одну нельзя принять как единственную, поскольку взятые в отдельности, они не объясняют всего многообразия наблюдаемых явлений» [6, 150]. На этой стадии мышление работает очень напряженно, увеличивая сферу научного поиска в разных направлениях, соотнося с предметом и сравнивая между собой выдвинутые концепции, подвергая их отбору в ходе критического анализа.

Заканчивается эта «плюралистическая» стадия торжеством одной концепции из всего множества первоначально выдвинутых, которая вступает в последнюю (третью) так называемую «дуалистическую» стадию, где она сталкивается с доминирующим прежде объяснением проблемной ситуации. Следует заметить, в конкретном акте сомнения плюрализма предположений может и не быть результатом «инкубации» может

быть одно предполагаемое высказывание, сразу сталкивающееся с первоначальным, по поводу которого и возникло сомнение.

Сомнение может действовать в сознании субъекта на всех его уровнях: и на уровне отдельно взятой личности, и на уровне социальной группы, и на уровне общества. На уровне социальной группы сомнение проявляет себя в научной полемике и в дискуссиях. Как и на уровне личности для него характерно наличие различных концепций, от имени которых выступают или отдельные личности или отдельные социальные группы.

Сторонники конкурирующих высказываний (мнений), не зная степени истинности высказываний и, поэтому, не будучи полностью уверены в их определенном значении, сталкивают их между собой в процессе обсуждения с целью выяснения их определенного истинностного значения.

Сомнение в каких-либо общепризнанных духовных ценностях особенно сильно овладевает сознанием социума в периоды социальных и научных революций. Это связано с кризисом мировоззрения эпохи в отношении справедливости общественного устройства или со сменой парадигмы научного сообщества. В этот период столкновения новой и старой парадигм споры и дискуссии их сторонников так или иначе захватывают или касаются всего научного сообщества.

Инициатором сомнения в старой парадигме как правило является отдельная личность, выдвинувшая концепцию, не совместимую со старой парадигмой. От конкретного исторического контекста зависит, будет ли это поддержано хотя бы частью ученых, послужит ли толчком к переходу к новой парадигме или на новую концепцию просто не обратят никакого внимания.

История развития науки говорит о том, что многие идеи и крупные открытия оказывались преждевременными потому, что общественная практика и сознание были не подготовлены для их восприятия; эти открытия воспринимались как досадные недоразумения и забывались обществом. И эти же открытия не зависимо от первого раза делались вновь, когда становились необходимыми человечеству. Т. Кун говорит о предвосхищении открытия гелиоцентрической системы Аристархом Самосским в III веке до н.э., которая не принималась в то время всерьез и была забыта вплоть до XVI столетия. Это произошло потому, что в рамках общих концептуальных систем античного и последующего средневекового знаний гелиоцентрическая система Птолемея более удовлетворяла всем нуждам познания и практики, чем гелиоцентрическая, не конфликтуя с ними. Со временем развитие познания привело общественное сознание к потребности в новой парадигме, которая обусловила у Н. Коперника возникновение сомнения в истинности концепции о центральном положении Земли и привела к появлению гелиоцентрической системы.

В процессе познания состояние сомнения в сознании субъекта может появиться под влиянием самых разнообразных обстоятельств, включая особенности психики личности. Множество этих обстоятельств, согласно концепции А.А. Старченко, можно сгруппировать в четыре фактора:

- гносеологический;
- логический;
- аксиологический;
- психологический.

Гносеологический фактор включает в себя детерминацию появления и развития сомнения содержанием конкурирующих концепций (или одной концепции), их методо-

логическими предпосылками, с одной стороны, и развивающейся практикой – с другой. Признание или отрицание познаваемости мира определяет стратегию и цель познания. Неустрашимость сомнений в процессе познания для агностика служит одним из доказательств непознаваемости мира, а для его оппонента является свидетельством неисчерпаемости процесса познания.

Логический фактор включает проблему обоснования концепций, участвующих в сомнении. Сомнение, как вид рефлексии, есть размышление над способом логического построения системы знания, критический анализ ее явных и неявных предпосылок, допущений и идеализаций. В.А. Лекторский прав, отмечая, что потребность в рефлексии возникает лишь в связи с появлением сомнений в обоснованности посылок [4, 131].

Осмысление, оценка исходных предпосылок какой-либо системы объективированного знания может быть произведена лишь «с помощью иной смысловой рамки», т.е. с позиций другой логической системы, которая сама в этот момент рефлексии не подвергается. Поскольку в сомнении в общем случае участвуют две концепции с разными, часто противоположными смысловыми связями, постольку сомнение толкает субъекта к созданию такой объемной логической системы, которая бы включала смысловые связи обеих концепций в качестве фрагментов. Последнее относится, прежде всего, к разрешению антиномий в познании. Если же сомнение порождено внутренними противоречиями познавательного процесса, то логическое противоречие между конкурирующими концепциями обычно разрешается с помощью апелляции к принятым в данное время процедурам опытной проверки (в случае наук фактуальных) и способом рациональной аргументации (в случае чисто теоретических наук).

Аксиологический фактор – это детерминация возникновения и развития сомнения ценностными ориентациями, установками субъекта. Система ценностных ориентаций обуславливает направленность, меру, цели и мотивы сомнения. Для ученого представляет ценность и детерминируют научный поиск воспринятые им (осознаваемые и неосознаваемые) мировоззренческие и методологические принципы, выполняющие в познании эвристическую и регулирующую функции, такие как: принцип простоты, соответствия, инвариантности, фальсифицируемости и др., наполняемые разным содержанием в истории познания.

Аксиологический фактор может поставить под сомнение любую объективно обоснованную концепцию, если она угрожает безопасности людей или не согласуется с их реальными устремлениями. Многие ученые и методологи науки отмечают, что эстетические чувства и критерии играют не последнюю роль и в процессе создания теорий, и в процессе выбора из нескольких концепций. В качестве примера можно сослаться на слова французского математика Жака Адамара: «Но вместе с Пуанкаре мы говорили о несколько ином предмете, о вмешательстве чувства красоты, играющего роль незаметного посредника при открытии. Итак, мы пришли к двойному заключению: изобретение – это выбор; этим выбором повелительно говорит чувство научной красоты» [7, 33]. Сомнение, участвуя в создании новой фундаментальной теории, способствует построению нового идеала научной теории.

Психологический фактор включает совокупность социально-психологических и эмоционально-волевых качеств, обуславливающих особенности возникновения и развития сомнения в чистом виде. Этот фактор связан с особенностями субъекта: с его критическими способностями, творческой активностью, ориентацией воображения и т.д., в целом со своеобразием субъекта, влияющим на процесс сомнения даже при тождественности предыдущих факторов. Так, например, идею периодичности изменения

свойств химических элементов одновременно с Д.И. Менделеевым выдвинул и английский химик Д. Ньюлендс, высказавший ее в Лондонском химическом обществе. Под влиянием критики и насмешек Д. Ньюлендс засомневался сам и разуверился в истинности идеи периодичности. Д.И. Менделеев, обладая более сильным характером, вывел из закона периодичности ряд эмпирически подтверждаемых следствий, убедительно обосновав достоверность открытого им закона [8, 85-86]. Разумеется, что в реальном процессе познания все эти факторы находятся в той или иной взаимосвязи и в большей или меньшей степени влияют друг на друга, обуславливая своеобразие конкретных актов сомнения.

Таким образом, мы рассматриваем сомнение как операцию мышления, выявляющую недостаточную обоснованность концепций и подвергающую их критическому анализу на истинность. Этими концепциями могут выступать высказывания веры, убеждения или знания, выражающие соответствующие формы эпистемической рефлексии. В процессе познания все эти формы взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, выполняя каждая определенные функции.

Библиографический список

1. Подкорытов, Г.А. Какова же роль скептицизма в познании? / Г.А. Подкорытов, С.П. Щавелев // Философские науки. - 1979. - № 5. - С. 130.
2. Котарбинский, Т. О мысли / Т. Котарбинский // Избранные произведения. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. - С. 312-313.
3. Мамчур, Е.А. Об «идеале» научной теории / Е.А. Мамчур // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. - М.: Наука, 1980. - С. 257-258.
4. Лекторский, В.А. Самосознание и рефлексия в научном познании / В.А. Лекторский // Общественные науки. - 1980. - № 2. - С. 130-131.
5. Библер, В.С. Мышление как творчество / В.С. Библер. - М.: Политиздат, 1975. - С. 381-382.
6. Налимов, В.В. Логика принятия гипотез в развитии научного познания / В.В. Налимов // Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. - М.: Наука, 1980. - С. 150.
7. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. - М.: Советское радио, 1970. - С. 33.
8. Сухотин, А.К. Парадоксы науки / А.К. Сухотин. - М.: Молодая гвардия, 1978. - С. 85-86.